

ТЕНЕВОЙ КАБИНЕТ

«СОВРЕМЕННОСТИКА»

Галина ВОЛЧЕК:

В нашей стране понятие «народ» дискредитировано. Какое же может быть народо-властие?

— Галина Борисовна, «Современник» создавался как коллектив единомышленников, театр до сих пор таковым и остается?

— В студии, которая только возникла, единомыслие выливалось в очень острую форму и почти семейный формат. Температура вдруг у всех поднималась оттого, что всю ночь мы читали какую-то пьесу и потом обсуждали, как мы ей «вмажем» и что от этого будет. В театре, которому 45 лет, единомыслие выражается в художественном результате, репертуарной политике...

— Зритель пропускает имена, напе-

чатанные в программках мелким шрифтом, не знает тех, чья жизнь проходит за кулисами. Это объяснимо, но не очень справедливо. Кто из закулисных театральных персонажей незаменим для театра?

— Для меня не существует понятия «народ». Тем более это в нашей стране оно дискредитировано. «Люди» — более близкое мне понятие.

Для меня очень важны все, кто работает в театре. Все — от бизнесменов до рабочих сцены. И в нашем театре юные все люди, которые стоят за кулисами, индивидуальны и персонализированы. И если я не вспомню кого-то, кто работал у нас за эти 45 лет, то это вина.

Реквизиторы

Долгие годы у нас работал реквизитор Лиза Никишина. Сейчас она, к сожалению, уехала, работать не может. Лиза была как мама. Мы приходили и знали, что каждого будет ждать стакан горячего чая. Я не представляю, как театр обходился без Лизы. Актеры очень тяжело пережили ее уход. На ее место пришла молодая девочка, они хорошо работают, каждую из них я люблю и хочу, чтобы она превратилась в такую Лизу, для которой театр был домом.

Костюмеры

— Что такое хороший костюмер? Даже пьесы про это написаны. Актер иногда вылезает со сцены в безумном костюме. Костюмер не должен ему помешать, не должен сломать его настрой, а наоборот, помочь, не уколоть, не раздражить, не повредить творческую ткань. Наш первый костюмер Галина Михайловна

Брестлина была наравне со всеми теми, кто основывал театр.

Рабочие сцены

— Никогда не забуду нашего рабочего Мишу Секамова. Мы начинали работать рядом с гостиницей «Советская», там, где сейчас расположен театр «Ромэн». Еще там они на себе перетаскивали все декорации. Мало того,

они устроились работать полотерами в гостиницу. Работали по ночам, а когда мы ночью заседали-репетировали, они тырили с кухни ресторана еду, обрезали недооцененные киевские котлеты да еще украшали блюда. Все они были люди «Современника».

Наши монтировщики часто выходят на сцену. Вот сейчас в «Балалайкине» во фраках выступают. Я горжусь ими, переживаю, если по какой-то причине они уходят.

— Часто уходят?

— Нет, слава богу, у нас сейчас очень стабильный состав монтировщиков. Вот как можно забыть! На гастролях в Америке у нас сломался поворотный круг. На спектакле «Три сестры» они легли под этот круг и крутили его ногами. Наш художник по свету Владимир Уразбахтин, уже молодой человек, тоже лежал под этим кругом.

Помощники режиссера

— Конечно, помощники режиссера — особый случай. Еще Станиславский описывал, как помощник режиссера попросил его уйти со сцены, потому что тот мешал ему вести работу. Помощник режиссера сослался на то, что Станиславский сам их так и учил. И Константин Сергеевич был от этого в восторге. Помощник режиссера на три часа становится капитаном корабля. Если он не даст сигнал, не вовремя дадут свет, уберут музыку

или опустят занавес чуть-чуть быстрее, чем это должно происходить, спектакль будет смазан. Это чувство театра есть не у каждого помощника режиссера.

Наташу Шилову, которой с нами больше нет, привела в театр еще девочкой ее мама Галина Михайловна Брестлина. Когда работала Наташа, я знала, что могу быть совершенно спокойной. Она не побежит мне жаловаться, не постесняется сделать актеру замечание сама. Наташа генетически любила этот театр, потому что была с нами с детства и все свои образования получила, уже работая в театре. Я с ней как с помощником режиссера выпустила очень трудные и дорогие спектакли. Вспомним хотя бы «Эшелон».

Она была нашим родным, близким, заинтересованным товарищем. К сожалению, перестала работать из-за семьи, двоих детей. Но когда бывали экстремальные случаи и я просила ее прийти в театр, она приходила всегда и с удовольствием. Для нее театр тоже был домом.

— Когда уходит человек, можно найти замену?

— Смотря какой человек. За кого-то очень переживаешь и кажется, что замену не найдешь никогда. Электрики, осветители, звукооператоры — они не кнопки нажимают, а создают вместе с режиссером спектакль. Сейчас, слава богу, у нас есть молодые девочки, которые вырастают вместе с нами: Саша Жукова, Оля Маркина, Маша Бухвалова — костюмеры, Маша Шеховцова — реквизитор. Они украшают нашу жизнь. Какие-то стенгазеты выпускают за кулисами: клеят, вырезают, сочиняют. До безумия любят театр. И они не слепые, они видят, что здесь бывает всякое: очень плохо, голодно (не в буквальном смысле), депрессивно, а потом вдруг замечательно, светло, чисто и убрано.

Маркина — это какой-то мотор. На «Трех товарищах», когда мы вводили Лену Корикову, никто не мог показать, что нужно делать на колосниках. Маркина в секунду оказалась наверху, схватила Лену за руку и показывала ей, что и как нужно выполнять. Сашка Жуко-

ва вообще удивительно творческий человек. Рисует отлично. Она в театре чуть ли не с детского сада. Без нее уже невозможно представить нашу жизнь.

Все они участвуют в мастерских и делают что-то потрясающей самоотдачей. Они заняты и в «Трех товарищах», и в других спектаклях, где всерьез выполняют актерские задачи.

— А сколько человек в труппе?

— Около пятидесяти.

— Неужели не хватает актеров?

— Единомыслие, с которого мы начали... Когда это было единомыслие студии, то все выходили и в массовках, и где угодно. А когда это театр, существующий в его реальных реалиях, когда актерам в соседних театрах предлагают и главные роли, и все что угодно, меняется психология. Даже если, придя в театр, они выслушивали от меня признания в том, что им не суждено играть Гамлетов, кивали и были готовы на все, то, проработав определенное количество времени, они уже не соглашались. Просто чистой массовкой мы стараемся своих артистов не напрягать.

— Как осуществляется руководство в системе театра-дома?

— Универсальных рецептов нет. Иногда я себя шипаю: в этом виновата, это сделала неправильно. Главное, людей любить, родиться с этим. Я люблю.

— Все-таки все зависит от лидера?

— Наверное. Много зависит. Я не верю ни в какое коллегальное руководство. Я верю в коллегальное уважение. Мне интересно мнение не двух-трех людей, а всех тех, кто строит этот театр. А строят его и те, кто формально играет незначительные роли. У нас есть артист, которого я обожаю и преклоняюсь перед его актерской преданностью профессии. Он никогда не «звездил», не играл Гамлета или Отелло, но всегда так честно и творчески относился к любому своему появлению на сцене, что для меня он тот кирпич, без которого я не представляю себе здание нашего театра.

● Ольга Коршакова